

# СТЕЛЛА МОРОТСКАЯ ИЛЬИЧ

№ 25 1997

С одной стороны, вроде бы неважно, что люди говорят, - важно, что они делают и как смотрят. А с другой стороны, есть другая жизнь. Где важно то, что говорится, звучит, пишется - независимо от того, что при этом делается еще. Какие-то слова цепляются друг за друга по странным своим законам или без них вовсе, находят своего человека и с ним живут. Или человек, понимающий зияющую важность этого процесса, сам их собирает, называет, складывает - и больше ничего не делает. Такой вот коллекционер звукосочетаний. Это интересно.

Мне это интересно, потому что я всегда категорически не понимал, зачем, скажем, коллекционировать марки, значки, монеты, чертиков, плюшевых мишек, бутылочные этикетки (бутылки!) или фантики от конфет. Нет, я понимал, конечно, зачем: история, география, общая эрудиция, смешно, память, жизнь, история - нет ничего проще. Но на фига мне, скажем, марка земской почты средневекового Гондураса, если я там не был, не видел и ничего у меня с этим не связано. Разве что продать за бешеные деньги коллекционирующему филателисту и купить... много книг со словами... Или, скажем, один мой приятель "благодарен маркам за свои познания в области живописи" - сходу выстроит цепочку: картинка - автор - сюжет - время - место - галерея. Можно подумать, что все это имеет какое-то отношение к живописи.

Вообще, меня, серую и углубленную личность, раздражает эрудиция как феномен проявления человеческих возможностей. Это любопытно - как факт существования энциклопедии на ножках - и не более. Не знаю, возможно, у меня это просто зависть человека с ограниченной памятью, вынужденного думать и чувствовать. Да, поэтому терпеть не могу коллекционеров, которым все время мало: мало полок и стеллажей в квартире, мало квартир, - и много еще недобывшего, недорытого, ха-ха, а все-то уже не узнаешь, не добудешь - жизнь-то в любом случае короткая, и он суетится, маленький, со своей большой, но не полной коллекцией, мечтается, отчайивается, отчаянный, - увлеченный человек, понимаешь, есть у него цель, есть у него смысл в его жизни.

А коллекционировать звукосочетания, к слову сказать, занятие несуетливое. Факт бесконечности процесса не станет трагическим открытием, а значит не будет нужды судорожно гоняться за конкретным редким словом или его неожиданным сотоварищем, а главное - результат непредсказуем, потому что идешь внутрь, а не вширь. Да это, может, и не коллекционирование вовсе. Я на самом деле хотел рассказать о другом коллекционировании, идея которого стала меня мучить тогда же, когда началось мое увлечение метрополитеном. Когда метро стало для меня средоточием удивительных вещей, которые там существуют, слушаются, появляются и бывают замечены - эпизодически или систематически. Идея - уже обреченная на невоплотимость - появилась отчетливо тогда, когда в Москве стали менять названия улиц на старые, и названия станций метро соответственно тоже вынуждены были менять. Это находило такое четкое выражение в корректировке схем метрополитена, что даже забавляло. Менялись схемы, а иногда просто в старые схемы вклеивались маленькие кусочки бумаги с новыми названиями или даже частями названий. И когда все это пошло сплошным потоком, возникла мысль: эх ты, черт, надо было бы коллекционировать эти схемы - теперь-то уже поздно, самое интересное уже произошло!

А потом каждый раз при взгляде на новый портрет подземки в меня вплзала тоска о несбывающемся.

И я представил себе старого Михаилыча - или Николаича - нет, лучше всего Ильи. Ильи не потому, что в память о вожде мирового пролетариата или генсеке Брежневе, а потому что Ефима Ильи, скажем, Слиппермана, работника Московской типографии имени такого-то такого-то, или даже техреда из издательства, которое занималось в свое время работой над такими важ-

много времени провел над чертежами и сопоставлениями, документами и фотографиями и находился, по всему, на пороге важнейшего открытия, могущего перевернуть многие укоренившиеся представления о подземном транспорте и зависимости аварий и грядущих катастроф в метро от рукоблудия жидомасонской мафии. Ясное дело, привязанность Ильи-Слиппермана к метросхемам только доказывала лишний раз правильность изысканий Елдакова и возбуждала его гневливость. Но мы не знаем, вредил ли Дмитрий Ильич на работе, писал ли анонимки в ЦК - не это важно, не эту тему мы хотели обсуждать. Дело Ильи клонилось к заслуженной пенсии, а метро ширилось и менялось на глазах. Самое ужасное произошло, когда стали менять названия. Потому, что одно дело, когда схемы печатаются все новые и новые, а другое - это промежуточные варианты - когда названия вклеиваются. В обход типографии. Но Ильич, как истый коллекционер, пошел на крайность. Он засиживался на работе допоздна - этому никто не удивлялся, ведь с Ильи-чом такая и в прежние времена случалась - и ехал домой на последнем поезде метро, в пустом вагоне. Если вагон не получался пустым, Ильич совершал то же самое в следующий вечер, и все-таки добивался своего. Заключенный в одиночной камере вагона метро - о, как сладостно было это одиночество! - Ильич доставал из кармана лезвие (нож для разрезания бумаги, другой свой рабочий инструмент) и, аккуратно, от углов к середине, постепенно снимал со стены вожделенное полотно. Он быстро сворачивал бумагу в трубочку, засовывал в футляр для чертежей и быстро выходил из вагона на своей станции - на какой станции жил Ильич Слипперман? - сначала, возможно, на Кировской, потом ему посчастливилось жить на Чистых прудах, а в очень коротком промежутке между Чистыми прудами и Чистыми прудами у Слиппермана получилось жить даже на Мясницкой. Это была особая микро-эпоха, когда Ефим Ильич бегал, как мальчик за девочкой, за схемой с названием "Мясницкая" и чуть было не упустил ее, а может быть, даже и упустил - да, он упустил, ему пришлось довольствоваться схемой, на которой "Мясницкая" была заклеена "Чистыми прудами", но просвечивала... Все эти бега по ночному андерграунду стали скоро для Ильи-пенсионера единственным способом пополнения своей коллекции.

Да, у подагрика-Ильи, ревматика-Ильи, почти-что-шизофреника-Ильи, была в жизни цель. Все это могло кончиться для него очень печально - он мог бы совсем распоясаться, помешаться, начать срывать со стен все-все схемы метрополитена уже только из дикого азарта, а не ради коллекции, он мог бы пасть жертвой общения с ночной компанией метро-бомжей, он мог быть побит омоновцем или задержан с предательским огрызком метросхемы в руках другим блюстителем порядка, внуком Елдакова, он мог быть посанжен за хулиганство, этот старишка-проказник, маразматик-метролюб, но он просто ездил в метро поздними вечерами и разглядывал схемы, вспоминал, считал, представлял, что еще будет и тихо плакал еврейскими мокрыми слезами о том, что его жизнь скоро кончится, что старость может беспощадно пресечь его поездки, что дети и внуки не продолжат, не поддержат, постыдятся. Я продолжу, я, даю тебе слово, Ильич, я однажды встретчу тебя в ночном вагоне, однажды, возвращаясь с дружеской попойки в последнем поезде, я засеку тебя в соседнем пустом вагоне, корябающим стенку затупившимся клином, я притаюсь под дверью и высокочу, и ворвусь в твой вагон на следующей станции - и пожму твою честную руку. Хотя ты ведь можешь и зарезать с перепугу.

Да, во мне регулярно в метро рождаются благородные порывы. Но когда я продумываю способы их наилучшего воплощения, я постепенно отказываюсь от них, потому что боюсь быть зарезанным. Ведь в метро много сумасшедших. Тут очень легко свихнуться. Метро, действительно, как ни что другое, к этому располагает.



Св.Осмачкина. Из серии "Жанровые сценки".  
Самарская область, июль 1996.